

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ. ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 721.72.01/.05.72.03+111

DOI: 10.17673/Vestnik.2018.01.16

Т.Г. АРТЕМЬЕВА
Е.М. БАЛЬЗАННИКОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ ЦЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ФОРМАТАХ ВРЕМЕНИ / ФОРМЫ / КОНТЕКСТА

EVOLUTION OF PERCEPTION OF THE VALUES OF HISTORICAL ARCHITECTURE
IN FORMATS OF TIME / FORMS / CONTEXT

Раскрывается специфика эволюции понимания ценности исторической архитектуры в форматах времени, формы и контекста. Определяется место и характер истории архитектуры относительно общей истории человечества и истории других видов деятельности общества. Дается обоснование понятия ценностных полей исторической архитектуры в форматах времени, формы и контекста с выявлением специфики их комплексной оценки в целях определения перспектив существования исторической архитектуры. Дается определение физической и метафизической контекстуальности исторической архитектуры с учетом ее бифункциональной сущности. Приводятся характерные прогностические оценки перспектив существования исторической архитектуры.

Ключевые слова: история архитектуры, эволюционность, гуманитарность, трансгуманитарность, виртуальная реальность, ценностное поле, история, форма, физический контекст, метафизический контекст, бифункциональность, перспектива существования

The specifics of the evolution of perception of the value of historical architecture in the formats of time, form and context are revealed. The place and character of the history of architecture relative to the general history of mankind and the history of other types of society activity is determined. The substantiation of the value fields of historical architecture in time, form and context formats is provided with the identification of the specifics of their integrated assessment in order to determine the prospects for the existence of a historical architecture. The definition of the physical and metaphysical contextuality of the historical architecture is given taking into account its bifunctional essence. Typical predictive assessments of the prospects for the existence of historical architecture are given.

Keywords: history of architecture, evolutionary, humanitarian, transhumanitarian, virtual reality, value field, history, form, physical context, metaphysical context, bifunctionality, perspective of existence

Историческая архитектура сама по себе безоговорочная ценность для одних и ценность не абсолютная, как может казаться другим. Для понимания оснований для утверждения ценности исторической архитектуры целесообразно ввести понятие ценностных полей исторической архитектуры в форматах времени, контекста и формы.

Формат времени проявляется прежде всего через историю. Французский философ и один из крупнейших писателей XX в. Милан Кундера в исследовании, посвященном эволюции европейского романа как части истории европейской культуры и искусства, приводит любопытную классификацию типов истории,

разделяя историю общества, техники, науки и искусства на отдельные по признакам форм эволюционности – наличия или отсутствия прогресса, гуманитарности и ценностных характеристик. Распознавая отдельно от истории общества историю искусства, Кундера определяет ее особенность одновременно в отсутствии прогресса как поступательного детерминированного и, главное, необратимого процесса развития; и в гуманитарности, которую определяет как «человечность» в смысле «глубинного эстетического основания личности» как главного критерия отбора. То есть постоянную подверженность эстетическим суждениям, переоценке ценностных характеристик, составляющих

основополагающую сущность произведений искусства, которые продолжают существовать параллельно появлению новых. «...История искусства, будучи историей ценностей, то есть вещей необходимых, всегда с нами, она присутствует в настоящий момент; мы в одном концерте можем слушать Монтеверди и Стравинского...» [1]. Другими словами, применительно к архитектуре, непрерывную городскую ткань образуют исторические здания разных периодов наряду с непрерывно обновляемой застройкой и постоянно служат объектами эстетических суждений и переоценки, определяющих перспективы их существования. Тем самым история искусства радикально отличается от общей истории общества, которая может трактоваться как история исчезновения – событий, вещей, человеческих сообществ. «Просто» история, то есть история человечества, – это история вещей, которых больше нет и которые не участвуют непосредственным образом в нашей жизни» [1].

Из этих определений логически следует вывод о сложной и неоднозначной природе истории архитектуры. Ее эволюционный характер выражается через форму строительного и технического прогресса. Как вид технической культуры архитектура прогрессирует. Гуманитарность истории архитектуры заключается в стремлении к эстетическому идеалу, когда технический прогресс должен способствовать реализации особых метафизических свойств архитектуры. В оппозиции форм историчности, причина которой заключена в дуалистичности природы архитектуры, заложено серьезное противоречие, поскольку, наряду с прогрессом одной из сторон своей сущности – утилитарной, архитектура как вид искусства обнаруживает скорее тенденцию регресса, ибо за возрастающую физическую комфортабельность следует расплата метафизического свойства – потеря способности психологического воздействия на человека. Или осознание смыслового разрыва понятий «архитектура» и «строительный дизайн».

Архитектура как приоритетный носитель материальных следов истории существует в различных ипостасях – ценностных полях: как художественная форма, имеющая самостоятельную семантическую и эстетическую ценность, – формат формы; как информационная среда – формат времени и метафизического контекста; как пространственная структура, обеспечивающая протекание процессов в определенно организованном виде, закрепляющая преемственность жизненных алгоритмов, типов поведения и типологии жизненных ситуаций, – формат физического контекста.

Ценностное поле исторической архитектуры в формате истории содержит некое особое качество, роднящее архитектуру с всеобщей историей общества, когда речь заходит о идентичности – в контексте соответствия архитектурной формы историческому функционально-смысловому содержанию. И роднящее с другими видами искусств, когда речь идет о худо-

жественной форме. Понимание исторической преемственности как признака принадлежности к цивилизации – также содержательная категория ценностного поля в формате истории, которая позволяет различать подлинную форму и ее имитацию, трактуя историчность как ценность, субстанционально присущую объектам культурного наследия.

Формат времени неразрывно связан с форматом формы в ее художественном выражении, с ее эстетическим смыслом.

А.Г. Раппапорт в книге «Форма в архитектуре» рассуждает о содержании понятия «форма», вводя категории морфологии, символики и феноменологии. Под морфологией понимая «все то, что описывается технически и геометрически» [2], под символикой – причастность к культурным традициям и открытость словам и словесным текстам, феноменологией Раппапорт называет «...те переживания, которые вызывают в нас формы и объекты, но не способные быть выраженными словами и сведены к конвенциональным символам» [2].

Эстетическая оценка опирается, как правило, на морфологию формы и понимание культурного контекста. Феноменологический аспект восприятия формы, индивидуально переживаемый ее метафизический смысл, сообщает эстетической оценке субъективность, которая является одной из главных причин неопределенности перспектив существования исторической архитектуры.

Социологическая роль истории архитектуры неразрывно связана с всеобщей историей человечества. Исторические повторы развития общества вызывают к жизни повторные архитектурные формы. Здесь можно проследить расхождение с эволюцией остальных видов искусств. Кундера утверждает, что «...История человечества может из-за дурного вкуса повторяться, ...история искусства повторений не терпит. Искусство существует не для того, чтобы показывать, подобно большому зеркалу, все перипетии, вариации, бесконечные повторы Истории. Искусство не духовой оркестр, что аккомпанирует ходу истории. Его задача – создавать свою собственную историю. Если что и останется от Европы – так это не ее повторяющаяся история, которая сама по себе не представляет никакой ценности. Единственное, что имеет шанс остаться, – это история искусства» [1]. В этом смысле можно сказать, что архитектура именно «аккомпанирует ходу истории», оформляя эпохи побед и поражений путем реанимации подходящих исторических форм.

Ценностное поле художественной формы можно определить как осознание связи времени и эстетики формы. М. Кундера пишет, что начало XIX в. характеризуется осознанием быстротечных изменений и сменной форм. «...Форма любого предмета оказалась отмечена печатью своего скорого исчезновения...» [1], таким образом, уникальность исторической формы стала залогом ее ценности. В отличие от предметов бытовой культуры, материальная долговечность существования

исторической архитектуры на фоне быстротечных перемен обеспечивалась относительно высокой инерционностью – ее масштабностью, капиталностью, высокобюджетностью и социальной ролью.

Однако параллельное зарождение современной архитектуры, которое сопровождалось разрушением принципов классической композиции и отрицанием эстетики классической формы, неумолимо изменило ход и вид дальнейшей истории архитектуры, которая стала выглядеть как конфронтация консервативных и модернистских принципов организации внутреннего пространства и внешней формы. М. Кундера констатирует, что «...смысл модернизма — в попытке каждого из искусств как можно ближе подойти к его особенности, его специфике» [1]. Так архитектура отвергла любое украшательство, все то, что могло быть выражено другими средствами – живописью, скульптурой, и девальвировала сам язык исторических форм, утратив богатство пластических средств и отказавшись от символики аттрактивности в пользу пуризма формы.

Распространение архитектуры модернизма со временем вызвало неизбежную реакцию с распознаванием ограниченной градостроительной роли модернистской архитектуры и запоздалую переоценку уходящей исторической декорации как основы морфотипов классического города. Градостроительная типология, включающая понятия улиц, площадей, кварталов, должна была неизбежно измениться или отменить отношение к объектам культурного наследия как к досадному ретроградному фактору развития новой градостроительной истории.

Историческая архитектура антропоморфна и по сей день остается мерилем человеческого масштаба, реальности и идентичности в мире нарастающего гигантизма и виртуализации. То есть ценностное поле исторической архитектуры в формате формы содержит ценность человеческой «идентичности как коллективно понимаемого прошлого» [3], уникальности и подлинности средообразующих элементов.

Формат ценности формы следует рассматривать в совокупности с форматом контекста. М. Кундера, применительно к другим видам искусства и литературы, определяет большой и малый контексты по национальному и наднациональному признакам. Однако вряд ли можно полноценно определить роль исторической архитектуры, оперируя исключительно понятиями национальных и всеобщих контекстов. Для уточнения характера исследования можно обозначить физический и метафизический контексты исторической архитектуры, исходя из ее бифункциональной природы. Физический контекст своим содержанием предполагает функциональный и пространственный потенциалы объектов культурного наследия; историко-культурный и эстетический потенциалы составляют содержание метафизического контекста. А.Г. Габричевский в своем исследовании, посвященном проблемам конкретности архитектурного синтеза и исторической морфологии архитектурных форм, рас-

сматривал архитектурную форму как дуалистическое единство пространства и облекаемой его оболочки, которую он не наделял самостоятельной ценностью в отрыве от «живого ядра» [4]. Другими словами, архитектурная форма как оболочка, лишаясь функционального содержания, становится объектом обоих контекстов. Внешняя атрибутика архитектурной формы с признанием ее историчности и соответствия критериям эстетической оценки, обладает культурным потенциалом отдельно от внутреннего пространства, ею облекаемого. По крайней мере, можно представить такое допущение в рамках эссе для устранения бесконечности энтропических ветвей рассуждений. Иными словами, субстанции архитектурной формы разделимы. В физическом контексте они могут существовать и работать нераздельно, обеспечивая локальный уровень функционирования как отдельные полноценные объекты-здания. В метафизическом контексте историческая форма-оболочка является ценностью независимо от своего содержания, которое может быть представлено неполноценным с точки зрения самостоятельности — контуром фрагмента территории или фрагментом новой архитектуры. Здесь несомненную ценность представляет средообразующая роль исторической архитектуры, где утрату каждого ныне пустующего исторического здания следует рассматривать как потерю звена в исторической цепи. Метафорой последствий такой утраты может служить знаменитая раздавленная бабочка Рэя Бредбери – причина иного цивилизационного пути [5].

Приоритетность того или иного контекста определяет выбор стратегии проектного поведения, направленного на историческую архитектуру. Главный критерий определения ценности в физическом контексте — характеристика, которую можно выразить в форме экономического потенциала исторической архитектуры как объекта, пригодного для приспособлений функционального характера в соответствии с современным этапом градостроительной истории. И здесь она сильно проигрывает современной архитектуре. Ценность исторической архитектуры в метафизическом контексте определяется гораздо сложнее. Она связана со спецификой оценочного аппарата. «...Ценности исторической архитектуры всегда с нами, они постоянно ставятся под сомнение, защищаются, оцениваются и переоцениваются. В области искусства не существует точных мерок. Любое эстетическое суждение — это личностная оценка, ...которая сталкивается с другими суждениями, ...стремится к объективности. В коллективном сознании история архитектуры ...оказывается подвержена постоянным изменениям...» [1].

Следует ли ценность метафизического контекста рассматривать в том числе с позиции экономического потенциала? Применив аппарат марксистской философии, когда историческая архитектура может трактоваться через рыночные понятия своеобразного товара,

цена которого определяется спросом и растет, пока спрос опережает предложение, можно утверждать, что экономический потенциал исторической архитектуры должен неуклонно возрастать с уменьшением предложения, ибо историческая архитектура – невозобновляемый ресурс и основная составляющая ее ценности – историчность.

По аналогии с правилом, обнаруженным М. Кундерой, можно утверждать, что чем большее историческое расстояние отделяет наблюдателя от конкретного объекта исторической архитектуры, тем явнее метафизический контекст, «...единственно способный проявить эстетическую ценность..., то есть неизвестные до сих пор аспекты существования... и новизну формы» [1].

Иными словами, отдельные исторические здания в составе единой исторической среды не имели бы такой выраженной метафизической ценности, какую они выявляют (проявляют) на контрасте с современной застройкой – в условиях физического контекста. Следует, однако, внести уточнение, что данное допущение касается только качеств отдельных объектов исторической архитектуры.

Совокупность исторической застройки, образующая среду, которая может характеризоваться своей однородностью, или однородностью, но только по признакам конфронтации с архитектурой модернизма, выступает как единая субстанция и предоставляет возможность преобразований сообразно со своим физическим контекстом, предельно осторожно по отношению к контексту метафизическому.

Между метафизическим и физическим контекстами можно представить некий переход; назовем его срединным контекстом. Применительно к исторической архитектуре это можно описать как соотношение исторической и современной застройки. Близкая к паритетной пропорция с современной позволяет исторической застройке не выглядеть музейно, каковыми неизбежно оказываются одинокие исторические здания, наличие которых не спасает среду от перерождения, – они неизбежно начинают играть роль объектов грастоительной истории.

Исторически сложившаяся городская застройка редко обладает абсолютной сохранностью [6–8]. Приоритеты мотивации вторичного освоения и неспособность рассматривать культурный потенциал исторической архитектуры в качестве критерия ценности – главные причины терроризма физического контекста. Терроризм физического контекста можно считать признаком такого явления, как провинциализм. «Проявление провинциализма – безразличие к эстетическим ценностям. Лишь сообразуясь с ценностями (эстетическими), иностранец выносит суждение о культуре, рожденной вне его страны. В очередной раз подтверждается правило: эти ценности трудноразличимы с точки зрения физического контекста» [1].

Можно рассматривать ценностные поля объектов культурного наследия в совокупности и по отдельности. Сравнивая эти поля и выявляя приоритетность,

можно прийти к конечному выводу, что как структура, обеспечивающая алгоритмы, историческая архитектура неизбежно и стремительно деградирует и исчезает. Как информационная среда – историческая архитектура, утрачивая подлинность, обесценивается [6–11]. Последняя окончательная ценность исторической архитектуры – эстетика формы – также постоянно находится под угрозой исчезновения в результате проявления неподконтрольных человеческих факторов: глупости, некомпетентности, постоянной переоценки ценностей и забвения.

Обратимся к эссе Рема Колхаса, где он выносит неумолимый максималистский, крайне пессимистичный вердикт эволюционным процессам исторической архитектуры: «...становится ясно, что современные человеческие качества неминуемо должны взорвать и опустошить предшествующую субстанцию. ...И дело не только в том, что доля, причитающаяся каждому, при стабильно растущем населении становится все меньше и меньше, – история, кроме того, обладает неприглядным свойством распадаться. Подобно радиоактивным материалам: чем сильнее ее эксплуатируют, тем менее значимой она становится – и так вплоть до состояния, когда ее оскудевшие дары начинают выглядеть просто оскорбительно. Это оскудение приобретает еще большую стремительность за счет постоянно увеличивающейся массы туристов, которые в своем безостановочном поиске «характера» перемальвают, как селевой поток, все успешные идентичности в бессмысленную пыль» [3].

Другими словами, перспективы существования исторической архитектуры рассматриваются близкими к нулю. Правда, никто пока не может определить сроки этой пресспективы – одно поколение? Два? Десять? Прогноз, основанный только на одном типе вектора, обычно малореализуем. Ценность такого прогноза можно рассматривать в контексте его своевременности и временной дистанционности, которая позволяет осмыслить проблему и разработать соответствующие алгоритмы проектного поведения в отношении исторической архитектуры.

Зачем нам следы истории? Если история повторяется, – закономерно ли ожидание на любом витке возвращения потенциального воспроизведения архитектуры? Здесь таится онтологическое противоречие: история общества не совпадает с историей архитектуры, которая, с одной стороны, по определению М. Кундеры, внечеловечна как продукт развития технологии, с другой – глубоко человечна как субъект и одновременно объект истории искусства. Как продукт технической истории, архитектура постоянно прогрессирует, как искусство – архитектура вне прогресса. Прогресс не предполагает возвратов и повторов, в нем заложен детерминизм эволюционного характера. В контексте технического прогресса возврат архитектуры к предшествующим этапам не имеет смысла. Эстетическая ценность культуры лежит в оценочной области и глубоко субъективна.

С точки зрения биологического вида выживание человечества совершенно не зависит от такой ценности, как историческая архитектура, поскольку метафизические свойства исторической архитектуры, неразрывные с ее глубинными эстетическими качествами, расходятся с физической сущностью архитектуры – обеспечением пространственных условий для определенных алгоритмов жизнедеятельности. С изменением и утратой алгоритмов утрачивается потребность в физических качествах архитектуры. Другими словами, перспективы существования человечества не зависят от перспектив существования исторической архитектуры.

Более того, пока на полях ближнего горизонта идет борьба между классицистами и модернистами, с переменным успехом и попеременным выносом и преданием анафеме всех святых – основополагающих ценностей оппонентов, мир завоевывает иная ценность, с точки зрения сущности архитектуры, мнимая – виртуальная реальность. Как потенциальная реальность, производящая трансгуманитарных монстров, вытесняющих любые предшествующие ценности, эта субстанция способна привести человечество к концу архитектуры, концу истории, концу света.

Причины этих процессов объективны и лежат в основе ускоряющихся темпов эволюции человечества, когда техническая история с ее внечеловеческой становится определяющим фактором ускорения темпов истории общества и обесценивания истории искусства. Архитектура как система, не имеющая приоритетных признаков отнесения ее к доминирующей области деятельности, – к искусству, технике, науке, социальной жизни, теряя любую из групп признаков, теряет самое определение как архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кундера Милан *Занавес* / пер с фр. А. Смирновой. СПб.: Изд. Группа «Азбука классика», 2010. 240 с.

Об авторах:

АРТЕМЬЕВА Татьяна Геннадьевна

доцент кафедры архитектуры
Самарский государственный технический университет
Академия строительства и архитектуры
443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194
E-mail: tatart2@gmail.com

БАЛЬЗАННИКОВА Екатерина Михайловна

магистр архитектуры, ассистент кафедры архитектуры
Самарский государственный технический университет
Академия строительства и архитектуры
443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194
E-mail: balzannikova@mail.ru

2. Раппапорт А.Г., Сомов Г.Ю. Форма в архитектуре. Проблемы теории и методология / ВНИИ теории архитектуры и градостроительства. М.: Стройиздат, 1990. 343 с.

3. Рем Колхас. Мусорное пространство. М.: ООО «Арт Гид», 2015. 84 с.

4. Габричевский А.Г. Проблема архитектурного синтеза как взаимной организации массы и пространства // Архитектура СССР. 1989. №1. С. 86–91.

5. Бредбери Рэй. И грянул гром. 100 рассказов. М.: Эксмо, Домино, 2010. 321 с.

6. Артемьева Т.Г., Бальзанникова Е.М., Леонова А.К. Функциональный потенциал объектов культурного наследия с высокой степенью амортизации в контексте альтернативной реконструкции // Устойчивое развитие городской среды: сборник статей / под ред. М.И. Бальзанникова, К.С. Галицкова, Е.А. Ахмедовой, Е.Г. Вышкина, Ф. Свиталя; АСИ СамГТУ. Самара, 2016. С. 27–31.

7. Журавлев М.Ю. Фактор времени в архитектурном творчестве: дис. ... канд. арх. Самара, 2016. 147 с.

8. Самогоров В.А., Рыбачева О.С., Фадеев А.В. Особенности морфологии пространства и застройки исторических кварталов г. Самары // Научное обозрение. 2015. №4. С. 191–198.

9. Бальзанникова Е.М. Сохранение городских объектов историко-архитектурного наследия // Вестник МГСУ. 2014. № 1. С. 15–24.

10. Вавилонская Т.В., Алексеев В.В. Особенности исследования исторических регионов с позиций своеобразия архитектурно-исторической среды (на примере Среднего Поволжья) // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: материалы 71-й Всеросс. научно-техн. конф. / СГАСУ. Самара, 2014. С. 537–538.

11. Артемьева Т.Г., Бальзанникова Е.М., Леонова А.К. К вопросу об апологии высокоамортизированных нефункционирующих объектов культурного наследия на примере исторической застройки центра города Самары // Промышленное и гражданское строительство. 2017. №4. С. 35–40.

ARTEMYEVA Tatyana G.

Associate Professor of the Architecture Chair
Samara State Technical University
Academy of Civil Engineering and Architecture
443001, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya str., 194
E-mail: tatart2@gmail.com

BALZANNIKOVA Ekaterina M.

Master of Architecture, Assistant of the Architecture Chair
Samara State Technical University
Academy of Civil Engineering and Architecture
443001, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya str., 194
E-mail: balzannikova@mail.ru

Для цитирования: Артемьева Т.Г., Бальзанникова Е.М. Эволюция понимания ценности исторической архитектуры в форматах времени / формы / контекста // Градостроительство и архитектура. 2018. Т.8, №1. С.91-95. DOI: 10.17673/Vestnik.2018.01.16.

For citation: Artemyeva T.G., Balzannikova E.M. Evolution of perception of the values of historical architecture in formats of time/forms/context // Urban construction and architecture. 2018. V.8, 1. Pp. 91-95. DOI: 10.17673/Vestnik.2018.01.16.